

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза советских писателей СССР ГАЗЕТА

№ 84 (3268)

Четверг, 15 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

ТАЛАНТ ПОБЕЖДАЕТ ВРЕМЯ

Пятьдесят лет со дня смерти великого русского писателя, любимого нашего художника слова Антона Павловича Чехова! Сколько за это полувеков произошло перемен в жизни нашей Родины, в жизни всего человечества! И в то же время, думая о Чехове, трудно поверить, что уже так давно смерть оборвала его творческий путь. Как редко-редко кого — мы ощущаем Чехова живым, рядом с собою. Почему?

Да прежде всего потому, что этот остро внимательный художник давал человека на весьма большой глубине, отражая в его характере и деяниях не только то, что порождается в нем непосредственно тою средой и обстановкой, в которой он пребывает, но воссоздавая и те основные черты, которые отражают историю целого народа.

К своим литературным персонажам он подходил с тою же внимательностью, которая определяет и правильный медицинский диагноз. Иногда, в ранних своих рассказах, он даже как бы прodelывает «лабораторные опыты», ставя героя рассказа в те исключительные условия, где тот должен выявиться с предельною ясностью. Позже, отдавая должное огромному значению общественной среды, в которой протекает жизнь человека, Чехов уже не позволял себе подобных «экспериментов» над своими героями. Напротив того, и все окружение под пером Чехова приобретает неумирающие, живые черты. Автор повествования берет при этом те стороны бытия и бытия, которые, переплетаясь между собою, создают подлинно правдивые картины жизни и такие человеческие образы, которые сочетают в себе строго индивидуальные черты с тем остро типическим, что они собою знаменуют.

Чехов-писатель и Чехов-человек неотделимы один от другого. Его мысли и чувства разлиты решительно во всем: в природе, в людях, в повороте фразы, в интонации отдельного слова. Оттого и читатель весь погружается в его творения.

Раскроем чеховскую «Степь» наудачу и возьмем хотя бы одну фразу: «А взглянешь на бледнозеленое, усыпанное звездами небо, на котором ни облачка, ни пятна, и поймешь, почему теплый воздух недвижим, почему природа настороже и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утратить хоть одно мгновение жизни».

Чехов остро чувствовал эту необыкновенную тишину ночной природы, и кажется, именно в этой тишине ему легче всего думать — не о себе, а о других, о людях.

И вот отходит день, и художник остается с собою самим. И думы его не о своих личных заботах. Перед ним жизнь людей, и думы его — о них, о человеческих судьбах. И чем далее, тем они больше приобретают глубины и прозрачности, ибо они лишены мутн эгоистических мыслей. В этих думах художника, в самом их существе — не одни только мысли, в них и отстоявшиеся мудрые чувства, а именно это-то и есть то, что называется душой произведения. М. Горький очень тонко и очень точно почувствовал это, когда сказал про «Степь», что это рассказ «такой, по-русски, задумчиво-грустный».

И вот тот же самый художник, который с великою простотой беседует с глазу на глаз со своим читателем, порою заставляя его неудержимо смеяться, порою грустно задумываться, но никогда не оставляя его равнодушным, вдруг своего читателя потрясает до глубины души. Приведем несколько строк из письма к Чехову актера и драматурга А. П. Южина-Сумбатова:

«Ты себе, пожалуй, представить не можешь, что ты мне доставил своими «Мужиками»... твои «Мужики» — величайшее произведение в целом мире за многие последние годы, по крайней мере для русского человека... Удивительно высок и целен твой талант в «Мужиках». Ни одной слезливой, ни одной тенденциозной ноты. И везде несравненный трагизм правды, неотразимая сила стихийного, шекспировского

рисунка; точно ты не писатель, а сама природа».

Широко известен отзыв В. И. Ленина о «Палате № 6», сохраненный нам его сестрой: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

От отдельных эпизодов, и соответственно этому вырисованных человеческих фигур и фигурок, Чехов очень быстро перешел к углубленному творческому восприятию и воссозданию жизни в целом, от которой неотрывны отдельные образы действующих или «бездельствующих» лиц его рассказов и повестей, а также и пьес. Чехова всегда привлекала мысль — написать роман. В основе этого желания лежала, конечно, идея охватить в одном произведении большой кусок жизни, где можно было бы со всей полнотой и свободой в сочетании отдельных эпизодов и характеров дать общее свое ощущение и понимание жизни, которая таит в себе назревающие и ждущие своего разрешения общенародные задачи.

Эти мысли о судьбах не отдельных своих героев, а всего родного народа порою достигали в сдержанном и по виду спокойном писателе огромного напряжения. Об этом нам скажет хотя бы такая коротенькая цитата из рассказа «Крыжовник», произведшего при своем появлении, как помню, совершенно исключительное впечатление: «...Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз. Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные...»

Так Чехов умел, устами своего героя, открыто говорить о самых больных вопросах времени. Но роман все же как-то ему не давался. И тогда это стремление к большой вещи нашло свое выражение в совершенно иной форме, к которой Чехов чувствовал большое влечение еще с ранней юности. В последние годы своей жизни Чехов становится драматургом по преимуществу. Именно эта форма создавала возможность выявить и донести до публики и те подлинные сокровища живых интонаций, которые свойственны чеховскому творчеству вообще.

Театральная встреча Чехова со Станиславским и Немировичем-Данченко, со всем талантливым и влюбленным в Чехова коллективом молодого Художественного театра — дала нечто совершенно исключительное и незабываемое.

Все мы, читатели Чехова, знаем, как к концу жизни — и на театре, и в последнем своем рассказе «Невеста» — Чехов со светлой и в то же время осторожной любовью дал нам явственно ощутить первые ростки той новой жизни, на пороге которой стояла горячо им любимая наша Родина. И читатель воспринимает все это с такою же ясной и чистой душой.

Писателям — есть ли чему у него поучиться? Еще бы! Рецептов он не дает, готовых приемов не прописывает, каждую свою вещь он пишет и сам как бы заново, но у него — можно учиться, должно учиться, и радостно учиться. Чему же?

Нужно уметь найти себя как художника и нужно овладеть искусством видеть и глубоко воспринимать правду жизни. А затем, будучи верным себе, не останавливаться в собственном росте. В этом великий пример — наш великий художник, побеждающий самое время, Антон Павлович Чехов!

Иван НОВИКОВ